

Хотя Оуян и ненавидел женщин, которые жестоко обращаются с собственными детьми, чтобы решить такую проблему, нужно, чтобы сам ребёнок знал, как сопротивляться, или хотя бы имел намерение это делать. Иначе любые вмешательства со стороны будут бесполезны и бессмысленны.

Двое других детей, одного возраста, выглядели здоровыми и активными. Мальчик, сидящий рядом с наложницей Чэнь, время от времени украдкой поглядывал на Оуяна, а девочка рядом с наложницей Люй прямо смотрела на него, выражая явное любопытство.

Такие дети, даже если они чужие, не вызывают раздражения, но сейчас было не время для игр, и Оуян с сожалением отвел взгляд, одновременно мысленно критикуя гены Ци Юньхэна:

— Слабаки!

Все четверо детей были похожи на своих матерей, и ни одного нельзя было узнать как сына Ци Юньхэна просто по лицу!

Кстати, сам Ци Юньхэн был похож на госпожу Юнь, и только густые брови унаследовал от своего отца, герцога Вэй.

С этой точки зрения, вполне возможно, что гены семьи Ци просто не были сильными, и они, кроме фамилии, не смогли сохранить ничего другого.

Покритиковав, Оуян снова заинтересовался Ци Юйси и направил своё духовное чутьё, чтобы «увидеть», что именно наложница Сунь использовала для его мучений.

Но, посмотрев, он сначала разочаровался, а затем озадачился.

На теле Ци Юйси не было никаких посторонних предметов, только множество следов от побоев, щипков и укусов, многие из которых ещё не зажили. При этом на нём была новая одежда, которая, соприкасаясь с кожей, причиняла ребёнку невыносимую боль. Это можно было как оставить без внимания, так и вмешаться, но в тот момент, когда Оуян собирался убрать своё духовное чутьё, он заметил, что на теле Ци Юйси явно не хватало одной важной для мальчика части.

Он подумал: «Где же его "маленький друг"?»

Боясь ошибиться, Оуян снова провёл духовным чутьём и обнаружил, что на месте, где должно было быть возвышение, действительно была плоская поверхность. Однако духовное чутьё — это не физическое чувство, и Оуян не мог определить, было ли это врождённым дефектом, результатом кастрации или...

Оуян нахмурился, бросил взгляд на Ци Юньхэна, а затем краем глаза посмотрел на вдовствующую императрицу.

Как раз в этот момент Ци Юньхэн закончил свою речь, поднял бокал и предложил всем присутствующим присоединиться к тосту.

Оуян не стал прерывать, тоже поднял свой бокал, поднёс его к губам, сделал глоток, убедился, что в нём нет ничего лишнего, затем поставил бокал и, дождавшись, когда Ци Юньхэн тоже выпьет, спросил:

— Самый маленький из детей — это третий принц, верно?

Ци Юньхэн слегка удивился, посмотрел в указанном направлении, не заметил ничего странного и кивнул:

— Именно так.

— У тебя есть доверенные служанки? — спросил Оуян.

Ци Юньхэн ещё больше удивился, не понимая связи между этими вопросами.

— Если есть, пусть служанка отведёт ребёнка и тщательно его осмотрит, — продолжил Оуян. — Лучше вызвать и врача, но такого, кто умеет держать язык за зубами.

Голос Оуяна был негромким, но зал был пуст, и в этот момент не играла музыка, поэтому каждое его слово было отчётливо слышно.

Остальные были в замешательстве, но наложница Сунь сразу побледнела и, не раздумывая, схватила третьего принца, воскликнув:

— Что ты хочешь сделать с моим сыном?!

Оуян не обратил на это внимания, спокойно смотря на Ци Юньхэна.

Услышав предложение Оуяна и увидев реакцию наложницы Сунь, Ци Юньхэн сразу понял, что с его третьим принцем что-то не так.

Ци Юньхэн тут же отдал приказ:

— Цинтун, отведи третьего принца и позаботься о нём.

— Слушаюсь! — Двадцатилетняя служанка вышла из-за спины Ци Юньхэна, а из углов зала появились две крупные женщины в придворной одежде, направляясь к наложнице Сунь и третьему принцу.

— Нет! Это мой сын, никто не может его забрать! — В панике наложница Сунь закричала, но две служанки, сидевшие позади неё, упали на пол, дрожа так, что не могли даже поклониться.

Как приближённые, они прекрасно знали, что делала наложница Сунь, и если это раскроется, их ждёт либо смерть от тысячи порезов, либо гибель всей семьи, и никакого выхода не будет.

Наложница Сунь, казалось, хотела сделать последнюю попытку, но прежде чем она успела что-то сделать, две женщины подошли к ней. Одна схватила её за плечи, сильно сжав, и наложница Сунь вскрикнула от боли, непроизвольно разжав руки. Другая женщина воспользовалась моментом, выхватила третьего принца из рук наложницы Сунь и передала его служанке Цинтун. Затем две женщины прижали наложницу Сунь к месту, заткнули ей рот куском ткани, и Цинтун без труда унесла третьего принца из зала.

Всё это время третий принц не издал ни звука, не сопротивлялся, не кричал и не просил за свою мать.

Остальные в зале либо не понимали, что происходит, либо догадывались о серьёзности ситуации, но все молча наблюдали.

Оуян, инициатор всего этого, тоже промолчал, взял с подноса перед собой кусочек сладости, положил его в рот и стал медленно жевать.

Менее чем за полчаса служанка Цинтун вернулась одна, поклонилась и, встав на колени рядом с Ци Юньхэном, тихо сообщила результаты осмотра.

Голос Цинтун был тихим, но Оуян, обладая необычайным слухом, уловил каждое слово. Цинтун не только обнаружила множество следов жестокого обращения на теле третьего принца, но и выяснила, что этот «принц» на самом деле был принцессой.

Оуян подумал: «Оказывается, это была просто подделка!»

Он слегка разочаровался.

Ци Юньхэн же едва не взорвался от гнева, но сдержался, не стал разглашать это сразу и только приказал:

— Сунь, жестоко обращавшаяся с императорским потомством, виновна и не подлежит прощению. Лишить её титула и отправить в Двор Цюю!

Двор Цюю был местом, где содержались провинившиеся женщины дворца, аналогом «холодного дворца» из романов. На самом деле, ни один император не называл свои дворцы «холодными». Это было просто прозвище, придуманное слугами и постепенно распространившееся за пределы дворца.

— Слушаюсь!

По приказу Ци Юньхэна появились ещё два евнуха, которые вместе с двумя женщинами вывели лишённую титула Сунь из зала.

После такого инцидента банкет в Дворце Цыань, конечно, не мог продолжаться или начаться заново. А тот факт, что третий принц был на самом деле принцессой, был слишком серьёзным, чтобы скрывать его или разглашать бездумно. Отправив наложницу Сунь с обвинением в жестоком обращении с императорским потомством, Ци Юньхэн наклонился к служанке Цинтун и что-то тихо ей сказал. Когда она ушла, он глубоко вздохнул, успокоился и затем повернулся к императрице Ван, сидевшей справа внизу:

— Императрица, пока Юйси будет находиться под твоей опекой. Я поручу Цинтун и другим слугам заботиться о ней, пока ты не найдёшь новых нянь и слуг.

— Слушаюсь, — поспешно поднялась с места императрица Ван, поклонившись.

— Сегодняшний банкет на этом закончен, — сказал Ци Юньхэн, встал и потянул за собой Оуяна, затем, не прощаясь с вдовствующей императрицей, вышел из зала и покинул Дворец Цыань.

Как только они ушли, императрица Ван повернулась к вдовствующей императрице и поклонилась:

— Матушка, мне нужно позаботиться о Юйси, поэтому я откланиваюсь.

Сказав это, императрица Ван не стала ждать разрешения, вышла из зала со своими слугами.

Цинтун уже ждала у входа с Ци Юйси на руках, поклонилась императрице Ван и последовала за ней.

Оставшиеся наложница Чэнь и наложница Люй переглянулись, а наложница Гао осталась

невозмутимой.

Вдовствующая императрица же была настолько разъярена, что даже не смогла выразить свой гнев, только опустила глаза и холодно сказала остальным трём наложницам:

— Вы тоже можете идти отдыхать.

— Слушаюсь!

<http://bllate.org/book/16203/1454315>